

**Общая характеристика перстней по материалам удмуртских могильников
XVI - первой половины XIX в.**

Русаева Альбина Анатольевна

Студент

УдГУ, Исторический факультет, Ижевск, Россия

E-mail: albinochka0403_1990@mail.ru

Среди украшений из материалов удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. видное место занимают перстни, которые выполняли различные магические и эстетические функции в жизни людей, они отражают мифологические и мировоззренческие представления народа. Таким образом, перстни могут использоваться как ценный источник для изучения некоторых вопросов истории материальной и духовной культуры. Украшения удмуртов специально не изучались и, как правило, в исследованиях на них обращали внимание лишь, описывая одежду и быт. Процесс накопления материала по удмуртским могильникам второй половины II тыс. н. э., начался еще в досоветский период. Археологические исследования осуществлены на многих удмуртских могильниках, но степень использования полученных материалов различна и перстни также являются малоисследованной областью. Имеется ряд публикаций, но нет работы, в которой бы наиболее глубоко была отражена информация о перстнях. Именно в этом и заключается актуальность исследования. В данном исследовании рассмотрены перстни по материалам шести удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. - (Ореховский (XV – XVI вв.), Малиновский (XVI – XVIII вв.), Якшурский (XVII – XVIII вв.), Цибинский (XVII – XIX вв.), Узей-Туклинский (XVIII – XIX вв.), Нязь-Ворцинский (XVI – XVIII вв.). Первые пять могильников занимают южную половину Удмуртии, а также северную территорию Татарстана, а могильник у д. Нязь-Ворцы расположен в северной части Удмуртии. По способу изготовления выделяется пять отделов перстней [11]. В рассматриваемый период перстни приблизительно в равных пропорциях встречаются как в женских, так и в мужских погребениях, что является одной из характерных черт для материалов могильников XVI – первой половины XIX в. Найдены они и в детских захоронениях (например, погр. 2 Якшурского могильника, погр. 95 Нязь-Ворцинского могильника) [12, 4]. Перстни находили надетыми на палец правой или левой руки погребенного, на обеих руках (Нязь-Ворцинский могильник, погр. 11) или же некоторые из перстней представляют собой элементы жертвенного комплекса или жертвенные предметы. В этом случае украшения располагались рядом с костяком. Например, в погр. 24 Цибинского могильника, помимо перстня, который находился на правой руке погребенной, рядом был найден обломок кольца и часть круглого массивного щитка, что, по мнению исследователей, является жертвенным предметом [8]. На Узей-Туклинском могильнике были зафиксированы жертвенные комплексы, в состав которых также входили и перстни. В погр.24 перстень вместе с другими предметами жертвенного комплекса был обернут в ткань, а в погр. 29 – в мех [5]. Перстни по материалам могильников XVI – первой половины XIX в. могут быть изготовлены как местными мастерами, так и ювелирами соседних территорий, например, в с. Рыбная Слобода Казанской губернии [2]. Ценную информацию предоставляет орнамент перстней. Сложность его изучения заключается в условности и схематичности изображения,

иносказательном характере, а так же в том, что со временем изображение стирается. Но, выделяется несколько версий построения изображений. Перстни с геометрическими узорами могли служить в качестве печаток и содержать родовой знак удмуртов «пус» (тамга, бортное пятно). Так в письменных документах XVIII в., в описи имущества удмурта Сидора Асанова упоминается «перстень серебряный мужской, на нем печать мое бортное пятно» [3]. Существовали также древнерусские печатные перстни, которые носили князья и бояре [7]. К геометрическому орнаменту относится орнамент, расположенный по бокам перстня, в форме симметричной штриховки. Растительный орнамент на перстнях представлен в виде двух ветвей, расходящихся в разные стороны, в некоторых случаях более «геометризованных». Растительные композиции связаны у удмуртов и с воршудно-родовыми объединениями, группами удмуртов, которые были связаны с культом деревьев: разные воршуды почитали разные деревья, выступавшие символами защиты [1]. Наиболее часто встречается изображение «трилистника». Основой же для построения изображений зооморфного характера служат представления людей об окружающем их мире. Образ птицы - один из древнейших в искусстве. Исследователи полагают, что образ птицы восходит к мифам о сотворении мира. В представлении многих народов птица выступала связующим звеном между миром людей и богов. Птицы изображены на перстнях из Малиновского могильника (погр. 15), а на щитке перстня из Цишинского могильника (погр. 1) выгравировано изображение животного, идущего влево, на хвосте которого также сидит птица [9, 8]. Среди зооморфных изображений часто встречается изображение коня. В материалах Малиновского могильника (сбор с поверхности) имеется перстень с изображением всадника. Особый интерес представляет собой орнамент, который трактуется исследователями по-разному – как значок в виде гребня [10] или называют «волчьим зубом» [6]. В коллекции имеется и перстень, который не содержит какого-либо орнамента, но на его щитке изображена буква «В». С целью создания целостной картины необходимо систематическое накопление, изучение материалов и способов изготовления перстней, орнамента, применение данного украшения в обрядовой и повседневной жизни, сопоставление исследуемых экземпляров, научное описание находок. При этом изучение одного материала недостаточно, так как изображения на рассмотренных перстнях не столь «специфичны» и в дальнейшем необходимо изучение и других экземпляров перстней по материалам могильников народов Прикамья и Среднего Поволжья, а также составление базы данных исследованных перстней, каталога, который будет содержать научное описание находок.

Литература

1. 1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
2. 2. Волкова Л. А. Удмуртские женские украшения XIX – начала XX вв.//Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. – с. 153 – 172.
3. 3. Гришкина М. В. Крестьянство в Удмуртии в XVIII веке. – Ижевск, 1977. – 187с.
4. 4. Иванова М. Г. Удмуртский могильник XVI – XVIII вв. у д. Нязь-Ворцы //Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. – 188с.

5. 5. Наговицин Н. А., Шутова Н. И. Удмуртский могильник у д. Узей-Тукля // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. с. 119 – 130.
6. 6. Недошивина Н. Г. Перстни//Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Москва, 1967. с. 253 – 264.
7. 7. Нелюбов С. Символика средневековых древнерусских перстней. Зверь – образ, зверь – символ, зверь – оберег//Цейхгауз. 2002. №17. с. 4 – 8.
8. 8. Семенов В. А. Ципшинский могильник XVII – XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. с. 89 – 112.
9. 9. Шапран И. Г. Малиновский могильник XVI – XVII вв. //Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. с. 112 – 123.
10. 10. Шутова Н. И. Кольцо в обрядах и мифологии удмуртов: по данным археологии, фольклора, этнографии//Вордскем кыл (Родное слово). 2002. №7. с. 67 – 71.
11. 11. Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников: Монография. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. – 264 с.
12. 12. Шутова Н. И. Якшурский могильник XVI – XVII вв. //Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. с. 59 – 70.